

Шаляпин Федор Иванович 10.09.54

Моск. правда. - 1957 - 10 янв. - с. 15.

▼ СТАРОЕ=ДОБРОЕ

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний "К музыке" ("Музычна Україна", Киев)

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛИ СТАРЫЕ МОРЯКИ

В ответ на радиопередачу, в которой я огласил письмо Ф.И.Шаляпина к А.М.Горькому, пришел пакет из Ленинграда. Прислал его Николай Павлович Ядров, бывший матрос легендарного крейсера "Варяг", участник штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года, член Военного отдела Народного комиссариата по морским делам, прослуживший на флоте около полвека, позже персональный пенсионер. Товарищ Ядров сообщал, что в молодости ему повезло не только слышать Федора Ивановича Шаляпина, но и встречаться с ним.

В дореволюционную пору дирекция Мариинского театра в Петербурге часто использовала в качестве статистов матросов Гвардейского экипажа. В число этих статистов попал и матрос Ядров. Благодаря этому в продолжение нескольких лет он имел возможность постоянно слушать лучших русских певцов, в том числе и Шаляпина.

К своему письму Н.П.Ядров приложил несколько страничек воспоминаний. Написаны они очень просто и непринужденно. И для нас интересен в них не только тот, о ком они рассказывают, интересен и тот, кто писал их, — не директор театра, не сослуживец-артист, не личный враг и не личный друг Шаляпина, а рядовой человек, скромный участник оперного спектакля, восторженный почитатель великого певца.

Мы часто читаем: "Рабочая аудитория любила Шаляпина...", "Искусство Шаляпина было доступно...". Но почти всегда это пишут критики и биографы, историки театра, люди искусства. Здесь мы видим великого певца глазами молодого матроса, и глаза эти смотрят на сцену не из театрального зала, а из-за кулис. Мы видим Шаляпина в моменты творчества — на сцене и в артистической. Видим его перед бойцами, уходящими на фронте гражданской войны.

В мемуарную литературу о Шаляпине воспоминания Н.П.Ядрова вносят подробности живые и достоверные.

В рассказе старого моряка мы улавливаем тот восторг, тот сердечный трепет, который вызывали игра и пение Шаляпина. И хочется сказать спасибо товарищу Ядрову за то, что он написал эти странички и разрешил опубликовать их.

Н.П.Ядров пишет:

"В минувшие годы, до революции, Мариинский театр в Петербурге по договоренности с Гвардейским экипажем, в зависимости от того, какая идет опера или балет, требовал на каждый день столько-то матросов-статистов. Нас, матросов, строем водил в театр унтер-офицер Ермаков, который хорошо был знаком с театральной жизнью.

Начиная с 1912 года я постоянно бывал статистом. За каждый выход на сцену нам платили 25 копеек, а с 1915 года прибавили — стали платить 50. В то время для нас это деньги были большие, так как матрос получал жалованья всего 87 с половиной копеек в месяц.

Много интересных артистов удалось мне видеть и слышать в те времена — Собинова, Андреева, Смирнова, Каракаша, Тартакова, Збруеву. Но особенно запечатлелся в моей памяти облик Федора Ивановича Шаляпина. Мне повезло увидеть его в операх "Руслан и Людмила", "Фауст", "Хованщина", "Севильский цирюльник", "Юдифь", "Князь Игорь", "Борис Годунов" и другие. Сорок с лишним лет прошло с тех пор. Но созданные великим артистом образы и по сей день сохраняются в памяти. Его чарующий голос забыть невозможно.

Когда выступал Шаляпин, билет достать было трудно. Длинная очередь толпилась в морозные дни около Мариинского театра, двигалась медленно, но все же люди стремились купить билет в кассе: барышники продавали с рук по спекулятивной цене, втридорога. А на те спектакли, где сразу пели Шаляпин и Собинов, цены и в кассе повышались в три раза.

Студентам трудно было попасть в театр. Они часто просили нас провести их. И вот, когда мы шли строем в театр, студенты, бывало, пристроятся к нам, и мы проводили их за кулисы.

Если выступает Шаляпин, весь театр, галерка, проходы заполнены народом. Нарушались все правила пожарной безопасности — так много было всегда желающих попасть на спектакль. До начала еще далеко,

чур, дитя... Не я твой лиходей...", я тоже невольно ощущал неодолимый ужас и не мог не смотреть в тот угол, куда Шаляпин устремлял свой взгляд, как-то особенно вперив его в одну точку. Голосом, полным дрожи, он говорил: "Что это там... в углу?" Так велика была сила артистического дарования Шаляпина, что впечатление это не изгладилось из моей памяти до сих пор.

До чего же он был хорош! Как любила его публика! Гром аплодисментов после каждой картины. Он раза два-три выйдет, а его все вызывают. Администрация, директор театра — все просят его выйти на сцену. Но у него на передованье и грим уходило немало времени, и выходить в перерывах кланяться он не любил.

Со сцены в артистическую уборную он возвращался весь мокрый. Бывало, сидит в кресле перед большим зеркалом в одной нижней рубашке — такой весь красный, как будто только что вышел из парилки. Обтирается полотенцем, а сам, улыбаясь, говорит: "Ну что? Правильно тебе, как я спел?" "Да, — говорю, — Федор Иванович, очень понравилось. А сейчас смотрю на вас — вы не такой, как на сцене". А он передодевается и говорит: "Мне надо быстро готовиться к следующей картине, а тут все еще просят, чтобы я вышел на аплодисменты".

Гримировался он сам, ему только преподносили карандаши да краски. В это время я всегда старался уловить момент поговорить с ним. Приятно было говорить с ним. Душа у него была русская!

Мне пришлось видеть, как Шаляпина в одеянии царя Бориса рисовал художник А.Я.Головин. Шаляпин в это время жаловался мне: "Вот, надо позировать!" Позировал он в продолжение нескольких минут, каждый раз перед тем как выйти на сцену.

После спектакля народ долго не расходился... Оперу "Борис Годунов" мне удалось видеть раз десять. И всегда с участием Шаляпина. В 30-е годы я как-то снова смотрел "Бориса Годунова", но это было уже не то...

В Мариинском театре в те годы был дирижером композитор Направник. Бывало, станет за пюпитр, раскроет партитуру, палочкой взмахнет — и польются чарующие звуки. Направник был маленького

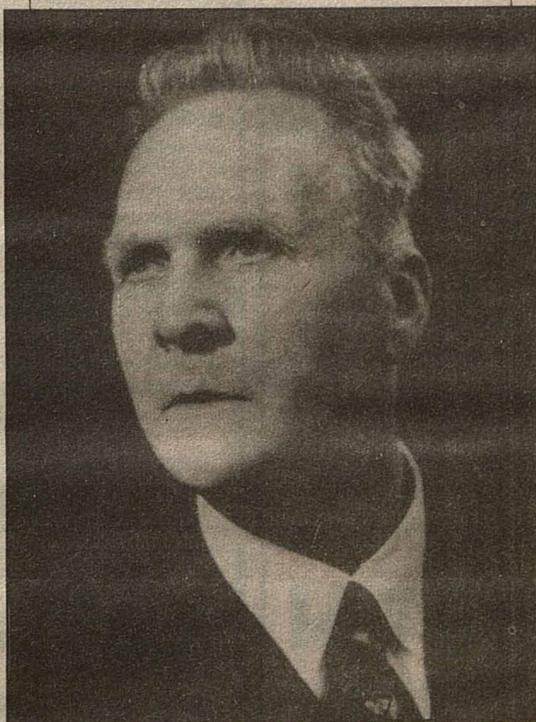
роста, подтянутый, в черном фраке, голова белая. Помню, Шаляпин на репетициях иногда подправлял оркестр. Направник долго не соглашался, но Шаляпин как-то умел подчинить себе и его. На репетициях все пели полным голосом, а Шаляпин — негромко.

На спектакле "Руслан и Людмила" в перерывах, когда Шаляпин не пел, он любил пошутить. Иной раз так рассмешишь, что фыркнешь. Эти шутки он устраивал тут же, за кулисами, во время спектакля.

Однажды за кулисами Шаляпин, Тартаков, Сибиряков и другие артисты слушали молодого певца Пиотровского (он потом выступал в Литве под своим настоящим именем — Кипрас Петраускас — и был удостоен звания народного артиста СССР). Шаляпин сказал тогда о нем: "Это наша восходящая звезда".

Шаляпин носил звание "солиста его величества", а мы, матросы, до революции назывались "нижними чинами". Иначе сказать, нас считали людьми низшего сорта. В Кронштадте у входа в сад и в Летнем саду в Петербурге, да и в других садах были надписи: "Строго воспрещается вход нижним чинам и собакам". Нижним чинам не разрешалось ходить по правой стороне Невского проспекта. Но Шаляпин был всегда прост с нами и сердечен, поговорит с тобой, пошутит, как с равным.

Продолжение в следующем номере.

но подойдешь к занавесу, посмотришь через дырочку в зал — народу там столько, что как в муравейнике шевелются, все проходы забиты приставными местами...

Когда Федор Иванович шел из своей артистической на сцену, впереди бежал его секретарь Исая Григорьевич Дворицин и говорил: "Шаляпин идет, Шаляпин!"...

Перед кулисой Федор Иванович садился в кресло и громко пробовал свой голос, а мы, статисты, во все глаза глядели на него. Некоторые даже пытались поговорить с ним, пока Дворицин не гнал их прочь.

Сидит он в кресле, такой величественный, царь. Борис Годунов, в парчовом одеянии, усыпанным разноцветными камнями...

Величественная была осанка Шаляпина, когда, стоя на паперти Успенского собора, он исполнял знаменитый монолог: "Скорбит душа..."...А мы, матросы, в это время стояли, переодетые стрельцами, совсем недалеко от него. В другой картине — в царском тереме, исполняя монолог "Достиг я высшей власти. Шестой уж год я царствую спокойно...", Шаляпин умел это слово "спокойно" так спеть, что мурашки по спине бегали.

В опере "Борис Годунов" Шаляпин совершенно преобразился. Он заставлял забывать, что перед тобой артист, а не сам царь Борис. А когда произносил: "Чур,